

УДК 821.161.1 + 82–92 + 82–43
DOI 10.17223/19986645/37/11

Е.В. Костецкая

ПОЭТИКА ПРОСТРАНСТВА В ОЧЕРКОВОЙ ПРОЗЕ «ТОБОЛЬСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» (1850–1860-е гг.)

В статье рассматривается роль газеты «Тобольские губернские ведомости» в создании образа региона. В очерках «Тобольских губернских ведомостей» середины XIX в. начинает вырабатываться поэтика художественно-документального описания сибирских реалий. Публикации писателей-очеркистов Н.А. Абрамова, И.И. Завалишина включают в себя различные по тематике историко-краеведческие материалы – от природных наблюдений и статистики до художественных описаний родного края с его природой, историей, людьми.

Ключевые слова: литература Сибири, «Тобольские губернские ведомости», образ региона, мифологизации пространства Сибири, газетный очерк.

Исследователи неоднократно обращали внимание на необходимость и плодотворность структурно-семиотического подхода к изучению региональных текстов [1, 2]. Исходным здесь является тезис В.Н. Топорова «пространство есть текст» [3. С. 227]. На региональном уровне литература рассматривается как детище определенного места, которое тематизируется в качестве вещи-символа и в качестве текста [4. С. 11]. Обозревая материалы первых сборников конференции «Литература Урала: история и современность», И. Козлов говорит о роли места и среды в определении принципа региональности литературы: «Место, ландшафт, окружающая среда (мистически обнимающая и проникающая сознание человека) не создают ли особенной литературы? Ведь в этом случае ярлык провинциальности как культуры «второго сорта» меняется на титул региональности» [5. С. 250].

Структурно-семиотический подход к изучению регионального литературного наследия представлен в трудах В.В. Абашева. В соответствии с логикой исследователя необходимо «увидеть слово на фоне места, понятого в его собственной поэтике или геопоэтике». В.В. Абашев подчеркивает, что изучение литературы региона только во временном, историческом аспекте обнаруживает на местном уровне лишь повторение общих тенденций. Поэтому целесообразно рассматривать литературную жизнь и в пространственном отношении, понимая территорию как часть культурной среды [6. С. 51]. Со временем место накапливает культурные смыслы, приобретает свою символику, обретает свой язык, свою поэзию. Локальная семиотика начинает работать как самостоятельный аспект среды и оказывать влияние на человека и различные культурные практики.

Идеи современных исследователей региональных текстов во многом инспирированы трудами Н.П. Анциферова. По его словам, душа составляет основу образа города, который исторически развивается: «...смена эпох создает постоянно меняющийся – текучий образ города и вместе единый в чем-то

основном, составляющем его сущность как органического целого» [7. С. 285]. Н.П. Анциферов предлагает исследовать образ города через познание его внешнего облика (анатомии, физиологии) к постижению души. К предмету анатомии города относится место, на котором он построен, особенности почвы, рельефа, растительности, планировка и т.п. [8. С. 18]. Изучение физиологии города предусматривает исследование состава населения, места общежития, торгово-промышленного центра, транспортного узла (включая почту, телефон и радио), медицинского центра, коммунального хозяйства, администрации, военного центра, мест сосредоточения духовной культуры, центров развлечений [8. С. 20–21]. Литературовед подчеркивает, что для иллюстрации внешнего облика города важны вопросы быта. Например, авторы сборника «Физиология Петербурга» сосредоточили свой интерес на быте, сделав образ города лишь фоном при описании его физиологии. Однако главной задачей является постижение души города, под которой Н.П. Анциферов понимает исторически проявляющееся единство природного, исторического, социально-бытового, духовно-культурного бытия его граждан: «Душой города мы условимся называть исторически сложившееся единство всех элементов, составляющих городской организм, как конкретную индивидуальность» [8. С. 23]. Такие элементы, как городской пейзаж, исторические судьбы, хранилище воспоминаний, характер населения, выражение художественных вкусов, имеют особое значение для постижения души города [8. С. 29].

История формирования образа родной территории становится одним из ключевых компонентов регионального литературного процесса, о чем свидетельствуют исследования «сибирского текста», репрезентации Сибири в художественно-публицистических текстах [9, 10].

Существуя на границе художественного и документального дискурсов, краевая газета «Тобольские губернские ведомости» (далее – «ТобГВ») становится частью сибирского текста. В газетных публикациях проявляют себя признаки художественного творчества: авторский стиль, направленность на эстетическое восприятие газетного материала, образность, мифологизация хронотопа Сибири. Современная и историческая Сибирь в многочисленных публикациях губернской прессы обретает смысл, формульность. Семантика места закрепляется в системе художественной топикки. При этом вырабатывается и собственная поэтика художественно-документального описания сибирских реалий.

В системе публикаций «ТобГВ», посвященных этнографическим описаниям разных территорий Тобольской губернии, основное место занимают очерки Н.А. Абрамова. Известный краевед, собиратель материалов о сибирской старине становится видным сотрудником газеты, с первых номеров регулярно публикуя в неофициальной части материалы по истории Сибири. Н.А. Абрамов был хорошо образован, владел несколькими языками, знал труды описателей Сибири Г.Ф. Миллера, Н.М. Карамзина, И.Э. Фишера, П.А. Словцова. Плодотворное общение с П.А. Словцовым, которого он считал своим наставником и учителем, а также усердная работа в тобольском архиве позволили Н.А. Абрамову представить подробную картину жизни губернских городов и их окрестностей.

Сибирский писатель создает образ родного края, его анатомический, физиологический и духовно-культурный портрет. В историко-этнографических очерках Абрамова образ Тобольской губернии складывается из описания городов Копала, Семипалатинска, Тюмени, Усть-Каменогорска, Ялуторовска и др. Описание дается по общей схеме: исторические сведения, население, местоположение, городской ландшафт, климат, окрестности, воды, пути сообщения, управление, просвещение, вероисповедание, промышленность и торговля, сельское хозяйство, древности и достопримечательные события. Документальность очерков проявляется в подробном изложении исторических фактов, характеристике географических реалий, привлечении статистических, демографических, этнографических данных, включении ссылок на архивные источники и научные работы.

При подчеркнутой документальности очерки Н.А. Абрамова носят художественно-публицистический характер. Такое сочетание научного и художественного методов описания стало традиционным для многих сибирских текстов XIX в. благодаря «Историческому обозрению», «Письмам из Сибири», «Прогулкам вокруг Тобольска» П.А. Словцова. Наравне с научными текстами в текст очерков Абрамова обширно включаются местные легенды и предания. Фольклорные сюжеты помогают лучше понять историю края, в них обнаруживает себя мифология места: «Малейший шаг в сокровенную глубину народных преданий и всякое приобретение в области туземной старины не могут не заслуживать внимания» [11. С. 42]. Статьи «Гора Алафейская», «Каменная пирамида. Надмогильный памятник Козу-Курпеча и Баян-Сулы, в киргизской степи», «Слобода Царево-Городище с окрестностями...», «Город Копал» и др. насыщены фольклорными материалами из истории татарского народа.

Н.А. Абрамова интересуют народные рассказы о происхождении названий местностей и их символикe, о связанных с конкретной территорией исторических событиях и именах. Так, предание рассказывает о явлении умершей ханской дочери, разбуженной в Царев-Кургане кладоискателями: «В одну летнюю полночь, когда кладоискатели разрывали курган, вдруг из глубины его, на окованной серебром колеснице, запряженной двумя белыми лошадьми, показалась девица красавица с распущенными волосами, в блестящем разными дорогими камнями головном уборе и богатышем татарском платье» [11. С. 44]. Еще одна киргизская легенда говорит о трагической любви дочери султана и простого киргиза, убитых заслушание. Мифологическими мотивами о предсказаниях рождения и смерти, о сказочных испытаниях героев, о чудесных избавлениях от смерти, о превращениях и оживших возлюбленных насыщена другая киргизская поэма о любви Козу-Курпеча и Баян-Сулы. Фольклор помогает читателю ведомостей понять народный характер, нравы, обычаи многонациональной Сибири в исторической перспективе. В фольклорных интерпретациях истории и географии находит отражение взгляд сибиряков на их родину.

Постижению души места способствует наблюдение за характером населения, черты которого становятся понятны читателю благодаря включению в текст демографических и этнографических данных, описаний быта, религии, языка, художественных вкусов местных жителей. Эти элементы дают пред-

ставление о национальных типах характера остяков, самоедов, русских и др. Наряду со статистическими данными в очерках немало художественных описаний – портретов, бытовых зарисовок, характеристик нрава жителей того или иного города. Причем Абрамов редко бывает бесстрастным: его очерки отличаются разнообразием интонации – от патетики до иронии.

Наблюдения Н.А. Абрамова создают многомерный облик Тобольской губернии, определенный самой территорией, где скрещиваются разные национальные культуры, типы хозяйствования, языки. Авторская концепция истории края, субъективный взгляд на соотношение природы и культуры лежат в основе той ценностной иерархии, которая обнаруживает себя как в отдельных очерках, так и в очерковом наследии Абрамова в целом. Ядром сибирской истории у него выступает священная история. Центром сибирского локуса оказываются памятники древней культуры, а подлинно духовным средоточием человеческой деятельности служат монастыри и церкви. Наиболее обширную группу исторических очерков Н.А. Абрамова составляют статьи, посвященные православным святыням Сибири: «Иоанно-Введенский Междугорный монастырь», «Абалакский Знаменский монастырь», «Тюменский Троицкий монастырь» и др.

Своеобразным символом Тобольска и всей губернии является икона Абалакской Божией Матери, особо почитаемая тоболяками: «Бесчисленные чудеса, совершавшиеся и совершающиеся пред этою иконою, рождают особенное перед ней благоговение <...> многие тысячи людей <...> стекаются на сие священное торжество Богоматери <...>. Каждый приносит сюда свою душевную мысль, свою просьбу, свое благодарение Богу» [12. С. 116]. Не случайно на страницах «ТобГВ» регулярно появляются заметки о торжественных встречах и проходах иконы. Н.А. Абрамов обращает внимание на то, что в эти торжественные моменты «представляется отличное явление набожности народа» [12. С. 116]. Сочетание пейзажных и портретных характеристик в описании крестного хода дает представление о проявлении души города – духовного центра Сибири: «...в удивительном стечении народа икона как будто на общих руках несется в Собор. Звон колоколов производит чувство радости в сердцах народа, который молится и проливает слезы. Можно ли без умиления смотреть на эти слезы, которые не затопчутся ногами шествующих, но будут гореть, с елеем в лампаде перед ликом Приснодевы» [12. С. 117].

Описание сибирского города Н.А. Абрамов соотносит с природой и климатом, которые оставляют свой отпечаток не только на городском ландшафте, но и на характере жителей. Действие природы на облик города передается в описаниях весны, лета, осени, зимы. Статья «О климате в г. Березове» сочетает приметы документально-научного и художественного стиля. Достоверные метеорологические данные дополняются образным описанием климатических наблюдений.

Городской пейзаж выступает средством создания образа уездного города, который воспринимается в сознании читателей как пустынный, суровый край, где большая часть года отводится на зиму. Местная весна напоминает зиму: «Являются первые вестники весны – белые санигири <...>. На местах, более подверженных действию солнечных лучей, появляются проталины, на

которых слышатся крики прилетевших лебедей; но за всем тем, снег еще лежит как зимою» [13. С. 2–3]. Летом «здешний край не кажется пустынею»: «попынь и крапива, пригреваемые солнцем, начинают оживать», «деревья и кустарники одеваются зеленью», «шиповник украшается розами», – «везде бьется пульс жизни, везде деятельность» [13. С. 3–4]. Но ранняя осень вновь приносит с собой тоску и безжизненность: «Вообще в природе заметно какое-то уныние» [13. С. 4]. Особенное впечатление на читателя оказывает гиперболизированное описание зимы в уездном Березове: «Иногда мороз с копытю захватывает дыхание у человека и выдыхаемый пар превращается в иней, стекла в окнах лопаются, шелкают стены домов, лед и земля растрескиваются <...>. Безмолвная пустыньность царствует в полутемном городке, взору представляются лишь необозримые равнины снега» [13. С. 5]. На фоне простой жизни природы и закономерной смены времен года явственнее представляется характер бессобытийной провинциальной жизни. Таким образом, пейзажные образы газетных очерков Н.А. Абрамова являются средством мифологизации пространства губернии, которое мыслится еще и как место безысходности и одиночества.

Н.А. Абрамов закрепляет в сознании читателя представление о сибирских городах как местах ссылки государственных преступников. С одной стороны, этот факт характеризует губернию как «гиблное» место, с другой – исторические личности, связавшие свою жизнь с Сибирью, стали героями местной истории. В физиологических очерках Н.А. Абрамова устанавливается связь между природными объектами и символическими фигурами русской истории: Иртыш – Ермак, Березов – Меншиков, Барабинская степь – Чичерин.

История губернии становится частью общероссийской истории. В очерке «Ермак – покоритель Сибири» Н.А. Абрамова Ермак провозглашается героем, «близким сердцу сибирских жителей»: «Да, Ермак был великий человек, – герой и с этим именем пусть останется на веки у потомства» [14. С. 152]. Историческое описание дополняет поэтический образ героя из драматической поэмы И.И. Дмитриева «Ермак»:

Великий! где б ты ни родился,
Хотя бы в варварских веках,
Твой подвиг жизни совершился;
Хотя б исчез твой самый прах [14. С. 152].

Патриотическое звучание очерка о Ермаке усиливает отрывок из стихотворения «К Сибири» П.А. Словцова, которое утверждает в сознании читателей миф о богатстве Сибири. Богатой и могущественной Сибирью должны гордиться современники и потомки:

Дщерь Азии, богато наделена,
По статным и дородным раменам
Бобровою порфиroy облеченна,
С собольими хвостами по грудям.
Царевна! серебряный венец носяща
И пестрой насыпью камней блестяща.
Славян наперсница, орд грозных мать –
Сибирь тебя мне любо вспоминать [14. С. 152].

Использование литературно-художественных и фольклорных источников наравне с документом, опора на общее мнение, апелляция к опыту читателя, кровно связанного с жизнью региона, служат основанием для создания авторского образа Сибири, художественной поэтики сибирского пространства. В прозе Н.А. Абрамова развивается сквозной сюжет, посвященный не столько покорению Сибири, сколько ее духовному преображению, вхождению огромной территории в историю России. Историческими и сакральными центрами пространства Сибири в интерпретации Абрамова становятся монастыри и православные храмы, символизирующие исторический путь и судьбу территории. Такая историзация пространственного образа адресована «своему» читателю и направлена на формирование самосознания сибиряка.

Подобные способы формирования сибирской идентичности были общим явлением для ведомостей других сибирских губерний. В частности, в «Томских губернских ведомостях» находят выражение те же тенденции: газета ставит своей задачей показать жизнь края с точки зрения местного жителя, изображать события губернской жизни как значимые факты сибирской истории и повседневности. Авторы публикуют исторические, краеведческие, этнографические статьи, помещают на страницах издания биографические материалы об известных личностях, связанных с местной историей, статьи о самобытности Сибири, способствуя утверждению регионального самосознания [15].

В начале 1860-х гг. одним из сюжетов публикаций сибирских губернских ведомостей становятся материалы о Сибири И.И. Завалишина. В 1863 г. на страницах «Томских губернских ведомостей» появляются объявления об издании книги «Описание Сибири» И.И. Завалишина [15. С. 50–51]. В «ТобГВ» публикуются «Путевые заметки» И.И. Завалишина. Публикация заметок в нескольких номерах ведомостей вызвала их бурное обсуждение на страницах газеты. Особенно активно критиковал записки И.И. Завалишина Н.М. Чукмалдин за отсутствие правдивости в изображении тюменской жизни. Действительно, в них нет подробных этнографических, статистических наблюдений, исторических исследований. Цель заметок – эмоциональная передача собственных впечатлений автора от увиденного, полемическая и нередко ироническая оценка сибирских реалий. Ошибки в описании исторических и географических фактов, статистических наблюдениях вызваны не только слабой осведомленностью путешественника, но и намеренным заострением субъективного взгляда на Сибирь.

При этом композиция заметок провоцирует оценивать их с точки зрения достоверности. В повествовании преобладает хронологическая связь, характерная для жанра путевого очерка. В соответствии с ходом путешествия в поле зрения рассказчика и читателей попадают Туринск, Коркинская слобода, Липовка, Томилова, Тюмень, Ялуторовск. Исторические ракурсы редки, так как И. Завалишина больше интересует портрет современных губернских городов и их окрестностей.

Появление фигуры рассказчика не вполне традиционно для газетных публикаций «ТобГВ», тем более что очеркист присутствует в заметках как действующее лицо. Автор размышляет над фактами, свободно переключает внимание с одного предмета на другой, создавая ассоциативный сюжет па-

параллельно с сюжетом хронологическим. История входит в текст памяти повествователя, что придает очерку художественный характер.

Признаком авторской субъективности служат эпиграфы, сквозные мотивы, сны, детали-символы, диалоги. Автор обнаруживает себя в беллетризованном описании природы и городского быта: «Только окрестность дивно хороша и весела, в это раннее летнее утро; проснувшись, как и я, – она глядит сельски-мило. <...> И так я уже теперь в Тюменском!» [16. С. 354]. Особенностью стиля И. Завалишина являются прямая оценка увиденного и иронический комментарий: «Что за отчаянные крюки да повороты, что за выбоины, что за мосты, даже пни патриархально торчат посреди разгову! Плохо же рекомендует себя богатая Тюмень!» [16. С. 367]; «Юродствовать вообще надо запретить, ибо это не в духе времени!» [16. С. 410]. От очерков сибирских авторов «Путевые заметки» отличает наличие художественного вымысла. Образное восприятие позволяет И. Завалишину создать условное пространство Тобольской губернии и Сибири. В описании городов много домысла, преувеличений, мифических представлений.

Общий тон «Путевых заметок» И. Завалишина задан печальными наблюдениями над тоскливой губернской жизнью. Дорожный колокольчик становится символом скучного путешествия по непозитичной и разочаровывающей дороге от Туринска до Ялуторовска: «Утомительно звенят колокольцы, а думы еще утомительней и неутешительней» [16. С. 353]. Меланхоличное настроение связано с идеей заметок – в главной губернии Сибири отсутствуют «общественный дух» и «жизненное начало». Эта идея объясняет двойственность созданного в «Путевых заметках» образа Сибири. С одной стороны, он связан с прошлым и настоящим, наполненным нищетой и душевной ленью. Другой лик обращен в будущее и связан с мифом о богатой и свободной Сибири, которой еще предстоит реализоваться.

Сибирь воспринимается читателем «Путевых заметок» И. Завалишина как дикий, первобытный край, где всюду заметна неустроенность, безграмотность, произвол чиновников. Это впечатление создает описание сибирских губернских городов, главным из которых является Тюмень. Впервые в «ТобГВ» в центре внимания оказывается не Тобольск, а Тюмень, которая представляется путешественнику лицом губернии, будущей столицей.

Вид городов Тобольской губернии и их окрестностей не вдохновляет, а удручает путешественника: «виды здешней местности незатейливы», «хлеба глядят вовсе не приветливо», «все селенья безобразно и дурно устроены», в общественных зданиях «вонь, грязь, духота, теснота», «почтовая станция – дрянь», гостинный двор как «чердак», «кладбища – навозные пустыри», «бедность и лохмотья на каждом шагу» – все «дико, пустынно, безотраднo» [16]. Неутешительное впечатление производит Тюмень, которая для Сибири «что Валдай для России». В богатой, но неряшливой и необразованной Тюмени как будто ничего не изменилось со времен Ермака Тимофеевича. Название деревни Томилова толкуется как метафора однообразной, скучной жизни. Вся губерния – болото, в котором застрял путешественник по дороге от Богандинской станции: «И вот очутились мы в лесу, окруженном топкими, еще не замерзшими болотами, в снежную выюгу» [16. С. 408].

С натуры написаны портреты жителей губернских поселений. Характер сибиряка раскрывается в этнографических описаниях. Сибирь, как сама Россия, стала домом для посельщиков, каторжан, которые подают «худой» пример безнравственной и бесхозяйственной жизни: «Народ здесь озорной, вина много пьет, пропивается. Да и примеру худого много: расплодился посельщики, варнаки» [16. С. 355]. И. Завалишин рисует портреты ленивых и безграмотных чиновников-самодуров, пьяных мужиков, отдыхающих на службе писарей, благочинных без благочиния, лекарей, только числящихся на своем месте, и т.п. Выразителен портрет волостного головы: «Какая-то сертучная фигура держит у себя под носом указ Туринского земского суда, выкрикивая по складам <...> Икнул на все волостное правление и остановился» [16. С. 343]. Кроме отрицательно выписанных типов, есть редкие примеры деятельных, образованных личностей, которые способствовали развитию края. Среди них И. Завалишин называет «сибирским самородком» купца И.В. Иконникова.

Символично сравнение бессобытийной жизни дикой и темной сибирской губернии с первобытной Африкой: «Точно плывем мы по какой-нибудь пустынной реке срединной Африки, в полном отчуждении от мира!» [16. С. 389]. Художественные детали также создают образ «апатичной», неустроенной Тобольской губернии, которому часто ставится в пример цивилизованная Европа: «Печально горит сальный огарок в ржавом подсвечнике, да нещадно терзает слух конская брань ямщиков из-за очередей. Нет, воля ваша – это не комфорт и уж куда не Европа!» [16. С. 344].

Другое сравнение Сибири – с Европой – находит образное выражение в сне героя-рассказчика, которому привиделось, что «из России выродилась Англия», а Тюмень «обратилась в сибирский внутренний Ливерпуль» [16. С. 354]. Мечты о благоустройстве края связаны с идеалом свободной, богатой страны, которая представляется повествователю «другим миром». В основе этого идеала лежит уже сформировавшаяся к середине XIX в. мифология Сибири. Записки популяризируют миф о богатой, «избалованной похвалами» стране. В соответствии с мифом Сибирь представлена как «хранительница традиций», сюда завоеватели приносили культуру, которая «в этой глуши» сохранялась «упорнее и дольше», чем в других русских губерниях. Примером сохранения традиций являются особым образом почитаемые символы монаршего присутствия в Тюмени в 1837 г.: шлюпка, на которой переправлялся «Государь Наследник престола», будущий император Александр II, снимок с блюда, на котором были поднесены хлеб и соль, дом В.И. Иконникова, где останавливался Александр Николаевич. Рассказы о присутствии членов императорской семьи на сибирской земле являются частью местной мифологии.

Третья черта идеальной Сибири – свободная страна, которая «никогда не знала господского ига» и «издревле <...> была совершенно свободна» [16. С. 357]. Подобно Северной Америке, она не связана ни с прошлым, ни с будущим и «девственна от тлетворных влияний». Благодаря удаленности от столиц в ней медленно происходят изменения, поэтому она долго сохраняет традиционные культурные ценности. Автор обращает внимание на то, что Сибирь, находясь «на распутии Европы и Востока» и являясь «дверью в Ки-

тай и Индию», имеет выгодное географическое положение, что дает ей возможность быть в центре культурных контактов и заимствований.

Недоумение путешественника, почему столь богато одаренный край остается страной невежества, выражается в вопросах и рассуждениях, назидательном тоне статьи, в поучениях и рекомендациях «спящим» и «праздным» местным жителям. В рассказе о паровой прогулке поэтичный и живой пейзаж летней ночи контрастирует с описанием губернского праздника, который ничем не отличается от обыденности. Типичный провинциал не замечает «далекую песнь запоздалых косцов, мгновенное ржание коня, чирикание полусонной пташки, качающейся в зеленой люльке, свесившагося на реку густого березника» [16. С. 389], потому что занят обычными делами: «Напротив – в мужской каюте-компани появились, лишь только набили желудки, неизбежные карты и горы кредитных билетов; а в дамской – кушали всякие сласти, да и то большею частию молча!» [16. С. 389]. Внимание читателей привлекает подчеркнуто медленное течение провинциальной жизни на фоне оживленной природы.

По ходу сюжета «Путевых заметок» усиливается критика жизни сибиряков, у которых «нет обычая жить по-людски, в ежедневной душевной беседе, в просвещенном обмене идей, в разговорах о том, что делается в мире» [16. С. 389]. Прощаясь с Тюменью, путешественник признается: «Меня так и порывает крикнуть им на весь их город: Когда же вы жить-то начнете?» [16. С. 399]. По мысли автора, миф о благополучной Сибири тогда станет реальностью, когда провинция станет источником того «жизненного начала, которое все ведет к лучшему» [16. С. 410].

Сам факт публикации беллетризованных «Путевых заметок» И. Завалишина в государственном печатном органе служит показателем стремления «ТобГВ» стать центром не только политической, общественной, но и литературной жизни губернии. Заметки инспирировали целый ряд читательских откликов, касающихся не только фактов местной жизни, но и вопроса о том, как об этих фактах должно писать, каким должен быть художник, заинтересованный в судьбе своего края.

Газетные тексты «ТобГВ» представляют собой сплав научно-описательной, публицистической, художественной традиции, что характеризует специфику сибирской литературы в целом. В 1850–60-е гг. в очерках «ТобГВ» получают развитие те тенденции региональной словесности, которые определились в творчестве ряда сибирских писателей. Сибирь изображается как страна свободы и изгнания, край богатств и нищеты, мир варварства и духовности. В документально-художественных текстах на страницах местных ведомостей рождается исторический образ Сибири, формируется региональное самосознание. Очерковая проза вселяет в сознание читателя идею особой миссии Сибири в истории России.

Литература

1. Тюпа В.И. Сибирский интертекст русской культуры // Тюпа В.И. Анализ художественного текста. 2009. С. 254–264.

2. Анисимов К.В. Парадигматика и синтагматика сибирского текста русской литературы (Постановка проблемы) // Сибирский текст в русской культуре: сб. ст. Томск, 2007. Вып. 2. С. 60–76.
3. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–284.
4. Созина Е.К. «Об истории литературы Урала»: предисловие к проекту // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Екатеринбург, 2006. С. 7–17.
5. Козлов И. Освоение «уральского пространства» // Урал. 2007. № 7. С. 249–252.
6. Абашев В.В. Мамин-Сибиряк: у истоков геопоэтики Урала // Уральский исторический вестник. 2009. № 1 (22). С. 51–59.
7. Анциферов Н.П. Непостижимый город: (Петербург в поэзии А. Блока) // Об Александре Блоке: сб. ст. Пб.: Картонный домик, 1921. С. 285–325.
8. Анциферов Н.П. Пути изучения города как социального организма: Опыт комплексного подхода. Л., 1926. 150 с.
9. Розачева Н.А. Методологические проблемы изучения сибирского текста русской лирики // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2010. № 5. С. 240–247.
10. Родигина Н.Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX вв. // Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII – начала XXI вв.: материалы регион. науч.-практ. конф., посвященной памяти проф. И.В. Островского, Новосибирск, 14–15 апреля 2006 г. / под ред. В.А. Зверева. Новосибирск, 2006. С. 95–105.
11. Абрамов Н.А. Слобода Царево Городище с окрестностями до переименования ее городом Курганом Тобольской губернии // Тобольские губернские ведомости. 1860. № 5. С. 41–52; № 6. С. 54–59.
12. Абрамов Н.А. Торжественное приношение в Тобольск иконы Абалакской Божией Матери и сопровождении ее обратно // Тобольские губернские ведомости. 1857. № 14. С. 116–118.
13. Абрамов Н.А. О климате города Березова // Тобольские губернские ведомости. 1860. № 1. С. 1–5; № 2. С. 12–17; № 3. С. 19–25.
14. Абрамов Н.А. Ермак – покоритель Сибири // Тобольские губернские ведомости. 1866. № 18. С. 120; № 19. С. 127–128; № 20. С. 135–136; № 21. С. 144–145; № 22. С. 152.
15. Жилиякова Н.В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 446 с.
16. Завалишин И.И. Путевые заметки // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 41. С. 341–344; № 42. С. 353–357; № 43. С. 366–369; № 44. С. 379–381; № 45. С. 387–390; № 46. С. 397–400; № 47. С. 407–410.

THE POETICS OF SPACE IN THE PROSE ESSAYS OF *TOBOLSK PROVINCIAL BULLETIN* (1850S–1860S).

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY, 2015, 5(37), pp. 145–156.

DOI: 10.17223/19986645/37/11

Kostetskaya Ekaterina V., Branch of Tyumen State University in Tobolsk (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: katerinavb@yandex.ru

Keywords: literature of Siberia, *Tobolsk Provincial Bulletin*, image of region, mythologization of Siberian space, newspaper essay.

The newspaper essay exists at the intersection of documentary and fiction, and has special tools of aesthetic impact. Aesthetic possibilities of the essay were also realized by the Siberian writers of the 19th century. The literary topic of Siberia development takes place in the genre of the essay in the *Tobolsk Provincial Bulletin* newspaper. The documentary of the essays is manifested in a clear composition, a truthful and detailed presentation of historical facts. With all the documentary, the essays of *Tobolsk Provincial Bulletin* have an artistic component which is reflected in the tendency to typing, the author's fact interpretation and the imaginative perception of the native territory.

N.A. Abramov's essays on the ethnographic descriptions of different areas of Tobolsk Province occupy the main place in the system of publications in *Tobolsk Provincial Bulletin*. It is Abramov who consistently draws the province's "face", presenting a detailed picture of the life in provincial cities and their environs. With an emphatic documentary, N.A. Abramov's stories have an artistic and journalistic character. Along with scientific texts, N.A. Abramov's essays contain a lot of local legends. Folk stories help one understand the region's history better, and the mythology of the place shows clearly in them.

Landscape images of N.A. Abramov's newspaper essays are a means of mythologizing the province's space which is conceived as a place of despair and loneliness. In N.A. Abramov's physiological essays a connection is established between the geo-cultural objects and the symbolic figures of Russian history: Irtysh – Ermak, Berezov – A.D. Menshikov, Barabinskaya steppe – D.I. Chicherin.

Using literary, artistic and folklore sources on a par with documents, reliance on the general opinion, appeal to the experience of the reader are vitally connected with the life of the region; they serve as the basis for creating the author's image of Siberia, Siberian artistic ideology of space. In N.A. Abramov's prose a cross-cutting theme is developed on not only the subdued of Siberia, but also its spiritual transformation, joining a vast territory in the history of Russia. The historicization of the space image is addressed to "his" reader and is aimed at the Siberian's self-consciousness formation. The artistic and journalistic image of Tobolsk Province and Siberia as a whole in Zavalishin's travel essays is polysemantic. In the traveler's perception, the Siberian region seems a solitary place, with mismanagement and ignorance, where every step meets the tyranny of bureaucrats, but the "other world" is a free, rich and patriarchal country and the guardian of the country's traditions. The mythological perception of space, associative links, inclusion of the semantic elements such as the sleep motif in the structure of the text, characters, dialogues, landscape descriptions of Zavalishin's travel essays have a fictional character.

Despite the dominant nature of the documentary in the essays of *Tobolsk Provincial Bulletin* the artistic element in them shows in the figurative understanding of the facts and the mythological image formation of a Siberian province.

References

1. Tyupa, V.I. (2009) Sibirskiy intertekst russkoy kul'tury [Siberian intertext of Russian culture]. In: Tyupa, V.I. *Analiz khudozhestvennogo teksta* [Analysis of a literary text]. Moscow: Akademiya.
2. Anisimov, K.V. (2007) Paradigmatika i sintagmatika sibirskogo teksta russkoy literatury (Postanovka problemy) [Paradigmatics and syntagmatics of the Siberian text of Russian literature (on the problem)]. In: Kazarkin, A.P. & Serebrennikov, N.V. (eds) *Sibirskiy tekst v russkoy kul'ture* [Siberian text in Russian culture]. V. 2. Tomsk: Tomsk State University.
3. Toporov, V.N. (1983) Prostranstvo i tekst [Space and Text]. In: Tsiv'yan, T.V. (ed.) *Tekst: semantika i struktura* [Text: semantics and structure]. Moscow: Nauka.
4. Sozina, E.K. (2006) "Ob istorii literatury Urala": predislovie k projektu ["On the literary history of the Urals": an introduction to the project]. In: *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'* [Literature of the Urals: history and modernity]. Ekaterinburg: UB RAS.
5. Kozlov, I. (2007) Osvoenie "ural'skogo prostranstva" [Development of the "Ural space"]. *Ural*. 7. pp. 249–252.
6. Abashev, V.V. (2009) Mamin-Sibiryak: u istokov geopoetiki Urala [Mamin-Sibiryak: at the origins of the Urals geopoetics]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 1 (22). pp. 51–59.
7. Antsiferov, N.P. (1921) Nepostizhimyy gorod (Peterburg v poezii A. Bloka) [Incomprehensible city (Petersburg in the poetry by Alexander Blok)]. In: Antsiferov, N.P. *Ob Aleksandre Bloke: sbornik statey* [Alexander Blok: a collection of articles]. Petersburg: Kartonnnyy domik.
8. Antsiferov, N.P. (1926) Puti izucheniya goroda kak sotsial'nogo organizma: Opyt kompleksnogo podkhoda [Ways to explore the city as a social organism: the experience of an integrated approach]. Leningrad: Seyatel'.
9. Rogacheva, N.A. (2010) Methodological aspects of studying the Siberian text of Russian lyric poetry. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta – UT Research Journal*. 5. pp. 240–247. (In Russian).
10. Rodigina, N.N. (2006) [The image of Siberia in the Russian journal press in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Obraz Sibiri v obshchestvennom soznanii rossiyan XVIII – nachala XXI vv.* [The image of Siberia in the public consciousness of Russians of the 18th – early 21st centuries]. Proc. of the Regional Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of Prof. I.V. Ostrovsky. Novosibirsk. 14–15 April 2006. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 95–105. (In Russian).
11. Abramov, N.A. (1860) Sloboda Tsarevo Gorodishche s okrestnostyami do pereimenovaniya ee gorodom Kurganom Tobol'skoy gubernii [Sloboda Tsarevo Gorodishche with the surroundings before renaming it the town of Kurgan of Tobolsk Province]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti – Tobolsk Provincial Bulletin*. 5. pp. 41–52; 6. pp. 54–59.

12. Abarmov, N.A. (1857) Torzhestvennoe prinoshenie v Tobol'sk ikony Abalakskoy Bozhiey Materi i soprovozhdenii ee obratno [The ceremonial offerings to Tobolsk of the icon of the Abalak Mother of God and its accompanying back]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti – Tobolsk Provincial Bulletin*. 14. pp. 116–118.

13. Abramov, N.A. (1860) O klimate goroda Berezova [On the climate of Berezovo town]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti – Tobolsk Provincial Bulletin*. 1. pp. 1–5; 2. pp. 12–17; 3. pp. 19–25.

14. Abramov, N.A. (1866) Ermak – pokoritel' Sibiri [Ermak, the conqueror of Siberia]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti – Tobolsk Provincial Bulletin*. 18. pp. 120; 19. pp. 127–128; 20. pp. 135–136; 21. pp. 144–145; 22. pp. 152.

15. Zhilyakova, N.V. (2011) *Zhurnalistika goroda Tomsk (XIX – nachalo XX veka): stanovlenie i razvitie* [Journalism of Tomsk (19th – early 20th centuries): formation and development]. Tomsk: Tomsk State University.

16. Zavalishin, I.I. (1863) Putevye zametki [Travel notes]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti – Tobolsk Provincial Bulletin*. 41. pp. 341–344; 42. pp. 353–357; 43. pp. 366–369; 44. pp. 379–381; 45. pp. 387–390; 46. pp. 397–400; 47. pp. 407–410.